

Александр Чубарьян

Историческая память в России о Второй мировой войне

Я ограничусь только несколькими замечаниями, которые, как мне кажется, важны для постановки самой темы. Последнее время в мировой историографии, хотя я буду больше говорить о состоянии дел в России, проблеме исторической памяти уделяется очень много внимания, как в методологическом, так и конкретном плане. Вскоре у нас будет издана книга «История и память»¹, в которой говорится о направлениях такой памяти. Сейчас это является очень важным течением историографической мысли. В данном случае речь идет о памяти о Второй мировой войне. Значительный импульс этим исследованиям дал 2005 г., когда во многих странах и в России отмечалось 60-летие окончания Второй мировой войны. Другого подобного празднования, проводившегося с таким размахом, я не припомню, и это несмотря на то, что в России любят отмечать круглые даты. Оказалось, что память о войне в России может быть названа консенсусной, но при этом содержать в себе много противоречий. В общем, проблема памяти отражает и состояние общества, и состояние историографии. Память может иметь много общих черт, но одновременно быть избирательной и зависеть от множества обстоятельств.

Прежде всего, необходимо отметить, что консенсусная память была и остается тесно связанной с общественно-политическим развитием страны. Она реально показала, что общество знает и что оно думает о войне. Источники же памяти очень разнообразны. В первые годы после события – это, конечно, свидетельства очевидцев. Сегодня этих очевидцев осталось немного, но они есть, и это люди разных восприятий. Второй источник – это документы, которые имеют значение как для широкой публики, так и для специалистов, о них сегодня будет еще идти речь. Третья группа – это средства массовой информации (кино, радио, телевидение – в большей степени). Четвертый источник – это учебники. Надо сказать, что за последние десять лет в нашей стране появилось много учебников, в которых представлена очень пестрая историческая картина. В итоге у молодежи нет понимания того, что это была за война. Для памяти очень важен общий эмоциональный настрой. Сейчас большинство россиян не воспринимают войну сквозь эмоциональную призму. Недавно в связи с 60-летием окончания войны этот эмоциональный фон был создан властями и обще-

¹ История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени/Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006.

ственностью сверху. Память важна для воспитания, для утверждения каких-то ценностей, для общественно-политических задач, для власти. Она может использоваться как в позитивных, так и негативных интересах. Например, проблема памяти очень важна для создания образа бывшего противника, если речь идет о войне.

Сложность для граждан нашей страны состоит в том, что за годы войны и до конца 80-х годов в исторической памяти утвердились некие стереотипы, которые оказывали очень большое влияние на представления о войне. Отмечу лишь несколько. Прежде всего, общее положение: война была величайшим испытанием для народа (это не вызывало и не вызывает сомнений), во время войны проявился героизм советских людей. В памяти остались знаковые фигуры, которые олицетворяли этот героизм. Но очень многие события, главным образом те, что связаны с провалами, с ошибками, с трагедиями, с трудностями и даже с преступлениями, забыты. Попытки вспомнить и писать об этом не поддерживались властями и значительными слоями общества. Поэтому к 90-м годам война осталась в памяти как крупное трагическое событие XX в., но составляющие этой трагедии были несколько размыты. «Приемлемый» образ войны сознательно формировался в течение многих лет. И не только в Советском Союзе. В Германии, например, в последнее время также наблюдается смещение акцентов в сторону описания жизни немецкого народа в годы войны, его трагедии. То же самое происходит и у наших бывших союзников, специфический образ которых, навязанный нашему сознанию, побуждает часто негативно оценивать их вклад в общую победу, вследствие чего иногда даже становилось неясно, против кого же они воевали. Именно поэтому мы нуждаемся в выработке некоторых принципиальных подходов к памяти о войне.

Память о войне должна быть многоплановой. Тенденции к этому в российском обществе сейчас есть, хотя и не такие устойчивые как на рубеже 80–90-х годов. Я думаю, сейчас необходимо вести работу в этом направлении. Это значит, что показ войны как героического подвига народа должен быть дополнен показом той трагедии, которую ему пришлось пережить. В историческую память о войне я бы включил весь довоенный период (1939–1941), проблему готовности страны к войне. Здесь можно выделить три аспекта. Первый – по моим сведениям, хотя я могу ошибаться, в январе 1941 г. состоялось совещание у Сталина, на котором было решено начать подготовку к войне. Реализацию этого решения можно проследить по пропагандистским документам, которые частично опубликованы. В них уже возобновлена критика германского фашизма. Второй аспект – документы Политбюро и секретариата ЦК показывают, что практически на каждом заседании обсуждались вопросы о новых видах вооружения и смене командного состава. Чрезвычайно важно восстановление в памяти начального периода войны. Первыми не историки, а писатели, публицисты рассказали об ужасах начала войны, о трагедии плена. Таким образом, они оказали наибольшее влияние на память народа о войне. Третий аспект – это состояние общества в годы войны. Не знаю, как в Германии, но у нас эта тема очень слабо разработана. У нас вышла в свет книга, посвященная психологии фрон-

тового поколения², открывающая целое направление подобных исследований. Нечто подобное есть в Германии – это опубликованные солдатские письма, которые в нашей стране мало представлены. Здесь важна как совместная работа историков и писателей, так и воспоминания участников тех событий.

Очень важно пролить свет на состояние армии. Наши писатели очень хорошо показали состояние офицерского корпуса, обеспечившего победу. До нас дошли неофициальные воспоминания известного деятеля культуры по поводу слов Сталина, сказанных в связи с присуждением премии академику – автору книги о декабристах. Сталин очень высоко оценил эту работу и вспомнил, что офицеры царской армии были в Париже, набрались вольнолюбивого духа и вышли на Сенатскую площадь. Он перекинул мостик к настроениям советских офицеров на заключительном этапе Второй мировой войны. Существует масса воспоминаний о наших маршалах, но только сейчас мы приступаем к сравнению разных военачальников. Раньше всех их оценивали как героев, но ясно, что воевали они по-разному. Это тесно связано с не очень популярной темой – цена войны и победы, и с судьбой высшего командного состава: в первые месяцы войны он постоянно менялся, некоторые командующие фронтами были даже расстреляны.

Не менее важны сведения о настроениях людей в тылу. Но память о войне это не только память о фронте и тыле, это и память тех и о тех людях, которые жили в оккупации, это память о тех, кто был в плену, память тех и о тех, кто сотрудничал с вермахтом. Главное, что надо преодолеть нашей историографии, – это избирательность и заангажированность памяти. Сейчас память в большей мере связана с оценками того, что было. Это значит, что речь идет об интерпретациях, и люди подвержены самым разным влияниям. В этом смысле главная задача для нас – школьные учебники. Военные люди, главным образом старшего поколения, критиковали учёных, за наши учебники. Проблема освещения истории войны в учебной литературе для средних школ стоит чрезвычайно остро. Здесь необходимо найти баланс между исторической правдой и воспитательным компонентом, который должен присутствовать в школе. Мы не должны попасть в ситуацию, которая характеризуется формулой О. фон Бисмарка: «Пишите правду, только правду, но не всю правду». В целом 60-летие победы позволило дать довольно объективную оценку тому, что было.

Актуальная проблема – это сотрудничество с нашими зарубежными коллегами, особенно с немецкими историками. В Германии тоже происходит процесс переосмысления прошлого. Как отметил профессор Х. Мёллер, хотя этот процесс и не очень активный, но он идет. Достаточно посмотреть новые немецкие фильмы о войне, о Гитлере, обратить внимание на новые книги, посвященные бомбардировке английской и американской авиацией немецких городов и пр. Я бы предложил написать совместную работу на тему «Память о войне», которая включила бы не только воспоминания отдельных людей, но и саму постановку вопроса.

И последнее. У нас очень непростые отношения с представителями различных общественных и политических слоев стран Балтии – это факт. Здесь выя-

² Сениявская Е. С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999.

вился новый подход к проблеме памяти: они хотят от нас услышать слова покаяния. И тоже проблема памяти. Одно время мы хотели об этом забыть, но скажу откровенно – наше общество против покаяния, и здесь оно довольно единодушно. Конечно, Германия в этом смысле – очень хороший пример, однако нет таких стран, которым не в чем было бы покаяться. В Варшаве, например, от нас хотят покаяния за одно, а мы, в свою очередь, вспоминаем, что и им есть за что покаяться. Проблемы памяти – это очень сложный вопрос. Память должна быть основана на восстановлении исторической правды, не допуская политизации, не привнося в нее политических факторов сегодняшнего дня.